

ЗАПИСКИ И СТИХИ ПЕРЕВОДЧИКА

ЕВГ
ИВАНОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дебютная книга - как удар ниже пояса

Евгений Иванов

Записки и стихи переводчика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73204818

SelfPub; 2026

Аннотация

«Записки и стихи переводчика» – это исповедальный почти документальный сборник, голос человека, прошедшего через взлёты и падения советской и постсоветской эпохи: от стройотрядов и войн до личных трагедий и борьбы с болезнью. Жесткий натурализм, горькая ирония и пронзительный лиризм сливаются в текстах, где каждая история – это акт сопротивления забвению, боли и системе. Это не просто мемуары, а искренний, яростный документ времени, написанный как последняя возможность сказать главное.

Содержание

Предисловие	4
Дорогие читатели!	10
Если чё, жвоните Таньке (не новогодний рассказ)	15
Два танка (грустная сказка)	18
Иньяз	24
Эссе одноногого о парных органах	32
Скорость движения лошадей	37
Колобок (краткая биография)	39
Как я перестал быть комсомольцем	43
60+	52
Сон почтальона (правдивый рассказ)	54
Теремок	57
ВУС 2203	59
Две цифры – месяц – четыре цифры – год (part 1)	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Евгений Иванов

Записки и стихи

переводчика

Предисловие

Эти записки – не просто сборник историй. Это документальный слепок эпохи, пропущенный через сито одной человеческой судьбы, исковерканной, искалеченной, но отчаянно сопротивляющейся забвению. Автор, чей голос звучит со страниц, – не профессиональный литератор. Он – свидетель. Участник. Жертва и боец в одном лице. Его текст рождался не в тиши кабинета, а в гулких больничных коридорах, на кухнях съёмных квартир, в промерзших вахтовках Заполярья и под палящим солнцем Ливийской пустыни. Это письма, которые не были отправлены; признания, выстраданные за долгие ночи; хроника распада тела и попытка ухватиться за остатки разума, чтобы сказать главное.

Его путь начался с мечты, знакомой тысячам советских мальчишек из провинции: рвануть в Москву, покорить МГИМО, вырваться из предопределённости захолустья. Но жизнь, эта опытная и циничная редакторша, внесла свои

правки. В столице будущего переводчика уже ждала мать, которая, не тратя времени на сантименты, уговорила его «унять амбиции» и ехать в Горький, в тот же ин'яз, но без столичного лоска. Так был сделан первый и, возможно, ключевой выбор – выбор в пользу реальности, часто уродливой, вместо сияющей иллюзии. Эта реальность очень скоро показала свои зубы: стройотряды, где смерть ходила рядом – в Якутии он чудом не разбился, сорвавшись с третьего этажа на бетон; это был первый из многих разговоров с небытием, который окончился ничьей.

География его жизни и работ стала картой экстремумов: от +51 в тени ливийской пустыни, где монтировали «Контракт века», до -53 на промыслах у Ледовитого океана. Такой же диапазон – от пламенной, почти юношеской влюблённости до ледяного предательства – он испытал в человеческих отношениях. Его профессиональная биография – это срез гибнущей империи: военный переводчик на сборах, специалист на ударных стройках газовой эры, «белый воротничок» в первых СП с иностранцами, наблюдатель дикого капитализма 90-х, когда вчерашний водитель УАЗа стремительно превращался в губернатора.

Но параллельно с этой внешней, насыщенной событиями жизнью, шла другая – медленная, мучительная жизнь тела, объявленного врагом. Четыре ампутации ноги. Три встре-

чи с ковидом в «красных зонах», где он видел столько горя и смерти, что хватило бы на несколько романов. Инфаркты, перенесенные на ногах. Инсульт. Клиническая смерть. Отступающее зрение, когда второй глаз медленно, но верно уходит в темноту. И именно сейчас, когда организм собран, по его же словам, «из говна и палок, замотан и скотчем склеен», человек, прикованный к инвалидному креслу, садится к компьютеру и начинает писать. Пишет, потому что больше не может молчать. Потому что нужно оставить след, выкрикнуть правду о времени и о себе, пока рот навсегда не сомкнула тишина.

Его личная история – это тоже история предательств, которые быют больнее болезней. Злыдня-супруга, от которой после серии унижений и двух нехороших заболеваний, переданных в качестве «брачного подарка», он свалил потихому, без скандала, лишь бы не травмировать любимого сына. Брат – блестящий механик и конченый алкоголик, в котором талант и саморазрушение вели бесконечную войну. Сука-племянница, бесплатно получившая от семьи прекрасную дачу и машину для мужа за полцены, а после забывшая дорогу к тому, кто остался нищ и болен. Поэтому он и пишет. От безысходности и одиночества. От ярости. От потребности хоть в чём-то оказаться победителем.

Его проза – это сплав жестокого натурализма и горькой,

почти чёрной иронии. Он не боится говорить о тлене и боли: о калоприёмниках, протекающих по ночам; о санитарках, моющих полы после умершего «психа»; о собственной гниющей стопе, которую врач-чеченец иссекает скальпелем, напевая что-то под нос. Но он же способен на пронзительный лиризм – как в истории о встрече двух танков-близнецов, разбросанных судьбой по разные стороны баррикад, или в рассказе о деде-фронтовике, за которым ухаживает лишь нянечка из детсада. Его любовь к медсестре Наде, возникшая среди больничного ада, – это история не эротики, а предельного доверия и страха за другого, более сильного, чем страх за себя.

Он целовался с медсёстрами в душевых, где до утра лежали трупы, потому что даже в царстве смерти нужно утверждать жизнь. Он издевался над смертью, называя её «сукой с косой», и заключал с ней циничные договоры, пытаясь откупить жизнь близких. Он с одинаковой язвительностью разбирает абсурд пенсионной бюрократии, косноязычие чиновников и собственную беспомощность.

Эти записки – голос человека, который прошёл через все круги ада, доступные в его эпоху: от идеологического прессинга и военных сборов до экономического коллапса 90-х, коррумпированной медицины и цифровой дегуманизации. Он видел, как умирала и рождалась страна, как рушились

судьбы и карьеры, как цинизм и равнодушие становились нормой. И сквозь всё это – войну в Югославии, бомбёжки Белграда, ливийскую смуту – он пронёс главное: неспособность к равнодушию. Даже будучи одноногим инвалидом, он поил томатным соком через трубочку умирающего соседа по палате, которого все давно списали. «Господи! Зачти мне этот томатный сок! – восклицает он. – Вполне возможно, что ничего более важного я в земной жизни не сделал».

Читая эти тексты, понимаешь, что имеешь дело не просто с мемуарами, а с уникальным человеческим документом. Это – свидетельство о сопротивлении. Сопротивлении боли, системе, забвению, окончательному распаду. Автор пишет, потому что это последнее, что он может делать. И в этом акте письма – его победа. Пусть временная, пусть горькая, пусть не оценённая никем, кроме горстки случайных читателей. Но – победа.

Он не ищет сочувствия. Он требует внимания. Он выкладывает перед нами пазл своей исковерканной жизни, собранный из осколков юмора, стыда, любви, гнева и отчаяния, и словно говорит: вот она, цена времени. Вот что остаётся от человека. Прочитайте. Запомните. Хотя бы на мгновение оторвитесь от своего благополучия и загляните в эту бездну. Возможно, это и есть главная цель его отчаянного, неистового, необходимого письма.

A.B.

Дорогие читатели!

Предлагаемый Вашему вниманию текст – это действительно моё письмо, написанное любимой девушке в страшный год КОВИДА.

Письмо не было отправлено. Как оказалось, у девушки никогда не было компьютера и электронной почты, а из техники она пользуется лишь телефон. Но зато она любит Шевчука, БГ и «Машину времени». А из писателей- Чехова с его короткими рассказами. Я предлагал ей почитать Ч. Буковского («Самая красивая девушка в городе»), но он ей не очень понравился.

У нас был короткий роман, я звал её замуж, но мне было отказано, что вполне справедливо.

Мы с ней потом изредка общались в больнице. У нее всё в порядке, она теперь операционная медсестра. Так что карьера идет в гору. С мужем и ребенком от первого брака всё хорошо у нее. Я ее люблю, она меня тоже. Это главное. А постель- да это лишь малая часть любви, хоть и важная лет до 55, но это у всех по-разному.

Прошу прощения за «сумбур вместо музыки». Такая уж у меня стилистика. Я же не всамделишный автор, как бог на душу положит, так и пишу. А про клиническую смерть (2 раза), инсульт и три ходки в «красную зону» – это всё правда.

30 июля 2025г.

Помнишь, как мы познакомились? Ты зашла в палату ночью.

«Кто орет?»

Ты посмотрела на меня и сразу умчалась за трамadolом. Я и правда измучен был. Мне тогда так хотелось облапить тебя за бедра, уткнуться носом тебе в титьку и тихонько скулить, и плакать. Так мне было плохо. Раньше со мной такого не бывало!

«Не вздумай! Она пожалеет и погладит, может быть, а вот ее уважение и интерес ты потеряешь сразу и навсегда!».

И я опять себя застегнул на все замки и стал дальше терпеть и шутить изо всех сил. А потом мы курили, и ты сказала, что переехала с Первомайки на Комсу, а я наоборот (кстати, там по адресу Строительная, 17 сын сейчас мой живет), и мы еще удивились, что вот ведь бывают совпадения.

Я тогда уже насторожился, но вроде всё равно было. А потом ты сказала (без подробностей), что потеряла близкого человека... А еще, что у тебя муж... Ну правильно! Надо включать защиту от излишнего интереса старого одноногого козла!

Потом меня увезли в «красную зону». Мне стало окончательно хреново морально, психологически. Там столько горя, смерти. Спроси у зав отделением, сколько раз я у него подышал предыдущей зимой! Смерть- дама обидчивая... У нее контракт с человеком как правило разовый и краткосроч-

ный. Не любит она, когда ей мозги полощут. А я уж над ней так поиздевался, кровный враг я ей.

Не, внешне я был вполне молодца и в «красной зоне» — шутил, медсестер кадрил, сокамерников поддерживал как мог.

А потом меня выписали. Малоознакомые моих знакомых довезли до дома, помогли вскарабкаться на второй этаж и откланялись.

Вот тут меня прорвало: я часа два просидел на кухне, у меня текло из глаз, рта, ушей, носа и я выл, выл не стесняясь. Потому что я почему-то жив, потому что как-то надо жить дальше, потому что где-то есть ты и я поэтому счастлив! Потом успокоился и умыл рожу холодной водой. Не надо выть даже в пустой квартире, не по-мужски это.

А потом ты пришла. Меня распирало, я старался этого не показать, ты вроде и не заметила... Санитарка появилась и занялась уборкой моей конуры, где давным-давно не убирались.

Ты как-то так легко рассказала, что у тебя летом случилось. Вот тут я бы уже начал сидеть, если бы мне было куда сидеть дальше... Я ничего не мог тебе сказать, тут санитарки уши были, и тебе надо было бежать по моим делам.

Я сразу понял, ЧТО произошло в тот день. Эта сволочь с косой раньше со мной в такие сложные игры не играла. У нас давно шел нормальный бокс, она регулярно получала по

морде, я оставался жив раунд за раундом...

В тот день смерть шла ко мне, поднималась снизу по Первомайской (она всегда ходит пешком). У входа в парк она остановилась перекурить..., далеко идти до дома 38, рядом с наркологией. Она обратила внимание на девушку, которая скользнула в диспансер за справкой. Ей тоже дальше надо было потом, в конец Первомайской... Тут у этой суки что-то щелкнуло в башке:

Да ну его на фиг этого Иванова... опять драться будет, косу отберет (что раньше бывало!). Мы его по-другому укокошим! Девушку эту вот подключим. Что тут у нас по ней в файлах написано. А, вот братик тут рядом у неё живет с переломанной ногой, всё складно получится.

А Иванов или от инсульта сдохнет сейчас, или я ему такое зимой устрою!

Меня тогда увезли с подозрением на инсульт «по скорой». Из больницы я смылся через 12 дней, не долеживая срока – инсульт обернулся микроинсультом без потери речи, памяти, двигательных способностей.

А девушка перестала бухать, получила-таки справку в наркологии и пошла работать во вторую хирургию, куда зимой снова «по скорой» привезли меня со страшными болями, теперь уже точно подыхать.

Бака (Зав отделением) посмотрел на меня и уже ничего не сказал типа «будем бороться!».

Было понятно, что уж теперь-то капец.

– Иван Викторович, займитесь, наш давний клиент!
Остальное ты знаешь.

Надя, если ты думаешь, что я шизик, а это всё совпадения, то пусть будет так.

Ты тогда ночью сказала после укола трамадола, что это невралгия, никуда я не исчезал, а мирно посопел минут 15 и проснулся. А меня не было 100 лет и меня разбирали на запчасти.

Кардиограмма в «красной зоне» показала, что у меня тогда был инфаркт. ЭКГ делали 3 раза, через день. Я наорал на кардиолога (не было у меня инфарктов!), она наорала на меня («вот только не понимаю, в вашем возрасте от такогодохнут сразу, а вы перетаскали на ногах (ноге), это у вас пятый инфаркт, и врачи не заметили. Ничего не понимаю... на вас заживает как на молодой собаке!»)

Надя, если я тебя пугаю, и ты не хочешь общаться... пришли мне свою фотографию на почту дальше адрес

У меня ведь даже такой малости не осталось. С той сукой мы вроде договорились, что я не буду пытаться пережить 2021г, а Она тебя и твоих близких больше не тронет. Но я ей столько подлян накидал за жизнь – она может слово не сдержать!

Я очень тебя люблю и боюсь за тебя. Береги себя и сына.
Осень 2021 г.

Если чё, звоните Таньке (не новогодний рассказ)

Его привезли в палату на сидячей каталке. На нем были какие-то замызганные спортивные штаны, кеды на шерстяной носок, толстый свитер не по размеру. Он был из соседнего района, где с медициной было совсем уж швах. На улице было минус 22. Санитарка помогла ему раздеться и унесла верхние вещи. Теперь на нем оставалось больничное облачение не первой свежести. Дед был маленький, тщедушный, обличьем сильно напоминал Зиновия Гердта в последний год жизни. Медсестра вручила ему пузырек:

– Надо собрать мочу на анализ, сможете?

– Попробую, – он сделал несколько тщетных попыток встать с кровати.

Я взял его подмышки и дед наконец-то утвердился в вертикальном положении:

– Трость дайте мне...

Тростью он называл подростковую лыжную палку с заостренным наконечником. Она елозила и скользила по кафелю. Дойдет ли? В своей одноногости я ничем не мог ему более помочь. Однако он устоял и двинулся к туалету какой-то крабообразной походкой, чудом удерживая равновесие. Тем не менее, во всем его облике сквозила армейская выправка.

Через пять минут он вернулся с полным пузырьком, ничего не разлил и не обмочился. Я забрал у него палку и доехал до медпоста, где выпросил у девчонок медицинский пластырь. Получился вполне приличный набалдашник.

– На-ка попробуй, получше?

– Очень хорошо, совсем не скользит трость, – одобрил дед. Он как раз рассказывал что-то соседу по палате:

– Десантировались мы не очень удачно, скалы... Я тогда таз немного повредил... Потом в Ташкенте собрали... А нога- это в 82-м, под Кандагаром прижали нас...

Медсестра принесла ворох бумаг, которые дед должен был подписать. Тот махнул рукой:

– Да подпиши сама, я все равно плохо вижу, рука дрожит...

– Нет-нет! Надо вашей рукой...

Дед поставил несколько закорючек, не всегда попадая в нужную строку.

– У вас есть родственники? Дети? Кому сообщать?

Он непонимающе пожевал беззубым ртом...

– Дети есть!?, -повысила голос медсестра.

– Наталья, дочка... кандидат философских наук, – гордо ответил тот.

– Так, Наталья Анатольевна... Какой у нее телефон? Номер? Куда звонить, если чё!?

Дед опять с минуту жевал губами, как будто не слышал. Потом неожиданно твердо отчеканил:

– Если чё, жвоните Таньке. 8 (904)... Ей жвоните, другим не надо!

– Танька, это кто? Ваш соцработник? Родственница? Кто она вам?

– Танька- нянечка в детшком шаду у наш во дворе. Она уже третий год за мной... – в глазах у него были слёзы.

На животе у него слева была закреплена сумка калоприемника, почти полная, когда его привезли. Девочки ее поменяли, но не очень удачно. Ночью она протекла и кал разлился по кровати. Пришлось ее менять еще раз, мыть пациента, искать ему чистое белье и менять постель. Так случалось несколько раз. Медсестры ругались. На третий день дед перестал кушать. То ли ему было стыдно, то ли он уже правда не хотел есть.

Когда меня переводили из «красной зоны», дед лежал на боку и беспрестанно бУхал сухим лающим кашлем, который душил его и днем и ночью. У него была высокая температура.

Мне хочется верить, что он выжил. Должна быть вера, что жизнь- это не война, не жадность, не предательство, не равнодушие и не говно... Жизнь- это о чем-то другом.

Попробуй выжить, капитан ВДВ запаса, Анатолий Инжеватов. И дай господь твоей Таньке.

Два танка (грустная сказка)

Заканчивался 1986 год. На Уралвагонзаводе закончилось итоговое собрание. В кулуарах ДК неспешно выпивали командиры среднего звена.

Уралвагонзавод... От самого названия предприятия веяло чем-то железно нестигаемым, непреклонным, динозавроподобным.

Начальник цеха Коновалов и парторг Остапенко сидели рядом. Они недолюбливали друг друга, но за долгие годы как-то примирились с тем, что все равно придется работать вместе. Судьба...

– Парторг, ну вот что ты опять вылез? «Годовой план к 7 ноября»? Только с твоими «ударными неделями» размотались... Ты вот теперь пойдешь статьи клепать в духе «70-летию Октября достойную встречу», а я думаю, не подведут ли смежники! Комплектующих хватит, или опять как всегда? А у меня язва!

– Не журись, Михайло! Як мне сказано було, так я и вылез. А переходящее знамя, а премия годовая? Нам с тобой в том годе на пенсию, надо ж подкопить маленько. Ты продуктовый заказ к Новому году видел? Сервелат, зеленый горошек, рыба копченая, шампанское... Где ты в городе такое купишь? «Г» у него было фрикативное, а украинские слова он пользовал несколько нарочито, хотя вполне мог обо-

диться без них.

Коновалов хмуро отмахнулся. После второго тоста его опять одолевали сомнения:

– На хрена мы вообще эти танки клепаем? Кому это нужно?

– Ну, это ты зря...

Застолье шло своим чередом. Через год они прощались, начсеха и парторг.

– Я сразу в Нежин к своим. Вот только контейнеры отправлю. У меня ж там целый конвейер, считай, налажен, такие огурчики! А шо? Теперь можно, частную инициативу разрешили. Пасека есть своя. Заживет теперь Украина! Ну а ты, Михайло?

– Я в Ленинград, квартирка-то по брони осталась. Младший у меня там. Был баламут баламутом. А сейчас у него своя группа, ПП называется. Вроде деньги неплохие зарабатывают.

Остапенко насторожился:

– Шо це такє «группа ПеПе»?

– Темный ты человек. Ну, это вокально-инструментальный ансамбль, если по-нашему, «Панкт Петербург». Правда, я это дело называю «Полный».

Поздним вечером в цеху стояли два последних сверхплановых танка Т-72. Электрики суетились, последний раз проверяли все системы перед госприемкой. Танки перемигнулись последний раз. Немного жаль было расставаться. Один

уезжал на запад во Львовскую область, его собрат оставался в Уральском военном округе. Ничего не поделаешь, служба! Они были молоды и сильны. Впереди была долгая счастливая жизнь.

Но что-то пошло не так. Львовянина прокатали два раза по танкодрому, подписали какие-то бумаги, закрыли в ангаре и забыли про него на годы. По ночам он слышал, как гремят эшелоны с запада по недалекой железной дороге. Это его старшие братья возвращались из Европы. Они сразу становились на прикол, наработавшись за долгую армейскую жизнь

– Они хоть мир посмотрели, – завистливо думалось их молодому собрату сквозь дрёму.

Его уральский близнец поначалу нормально служил, ездил, стрелял. Потом и он встал на вечный прикол. Прапорщики безбожно воровали горючее. Экипаж он видел все реже. Потом уволился из армии командир. Что-то стремительно менялось в стране. Военное железо, которое не резали под визг болгарок и шипение автогенов, частью продавалось на сторону, более тяжелое вооружение погружалось в мутный летаргический сон...

И вдруг всё изменилось. И завертелось-закружилось в немыслимой круговерти. Долго рассказывать...

Близнецы, которые уже почти забыли о существовании друг друга, начали стремительно сближаться. Нет, они не встретились в бою. Это было бы слишком литературно, ска-

зочно красиво...

На самом деле тот уральский с размашистой белой Z по бортам вдруг чихнул на убитой дороге при передислокации и замер. На обочине стоял убитый остов такой же машины со смещенной с основания башней. Прямое попадание, сдетонировал БК.

– Вот ведь как, брат, – подумалось так...

– Семенов, что там у тебя? Нельзя здесь стоять!

– Сейчас, командир, поедем! Ведь нам неслабо прилетело!

Пока механик ковырялся в движке, Т-72 пытался хоть что-то понять. Вчера он наблюдал, как Ми-28 дал залп по Ми-8, совсем не ми-ми-мишно. Тот взорвался и факелом пошел к земле. Неужели это всё из-за буквы Z? Её отсутствие или наличие могут так много значить?

Ну, глуп я, наверно... Люди разберутся, они умные.

– Готово!

Танк чихнул, взревел мотором, мотнул больной башней и понесся к новому месту назначения, оставив ржаветь корпус близнеца на обочине.

Размышления танка Т-72

Люди умные. Люди не могут ошибаться. Недаром ведь они создали такого красавца, как я. Правда, я их не всегда понимаю. Вот вчера с экипажем слушали радио из Москвы. Там один крупный чиновник сказал: «Я люблю наше народо-

население». А я такого выражения не встречал. Может оговорился? Но он эту фразу повторил еще раз. Твердо так. Я задумался. Вот мой командир танка. Он любит жену и дочку. Их фотография у меня внутри приклеена. У механика-водителя есть девушка. Он ей по телефону всегда говорит «люблю тебя», когда треска в эфире нет и звонить можно. А как можно любить народонаселение?

Потом я догадался:

Он ведь чиновник высшего ранга, раз уж по радио выступает? Видимо, таким людям дан особый дар, другим недоступный. И они могут любить народонаселение. Вот. Это я сам додумался!

Что-то я стал много думать. Сейчас идут боевые действия, ну и надо воевать. Чего там думать? Думать можно, когда стоишь в ангаре, дремлешь. Тогда хорошо думается. Или потом, в старости. Стоишь на постаменте, смотришь в небо, молодость вспоминаешь. А внизу почетный караул, цветы. Молодожены по пятницам фотографируются. Хорошо!

P.S. Простите... Я думал, что всё сказал. А сейчас до меня вдруг дошло, почему нас на постаменты ставят пушкой вверх, хотя мы по самолетам не стреляем. А это просто символ такой. Значит, что можем мы еще. Ведь что-то мы можем? Простите опять же, если что не так.

Вот теперь всё.

Лето 2022 г.

Инъяз

Стояло чудное восхитительное лето 1979 года. Школа кончилась. Огромный замечательный мир, грядущее завоевание Москвы... Моя любимая девушка, на год младше, с жесткими курчавыми волосами, говорила:

– Женья! Никаких общаг! Жить будешь у моей бабушки на Вернадского... я через год приеду.

Моя мудрая мама уже с начала июня сидела в Наро-Фоминске в длинной командировке, чтобы чадо не наделало бед, пытаясь покорить столицу... Меня встретила прямо на Ярославском:

– Женья, без шансов! Еще и предолимпийский год! Генералы на «Чайках» с дочками...

– Мам, и куда?

– Да вон, город Горький рядом! Переводческий факультет! Хоть какие-то шансы. За час сидения в кафе в Александровском парке моё сопротивление сломали... Появились легкие сомнения в собственной гениальности. Билеты Москва-Горький у мамы давно лежали в сумочке...

Горьковский Государственный Педагогический Институт иностранных языков имени Н. А. Добролюбова, ГГПИИЯ, инъяз, переводческий факультет! Поступить в такое заведение не представлялось возможным. Только ворваться, пробить окна, двери, стены ударом ноги с восточным криком И-

И-Я!!!

Мы сдали документы в приемную комиссию, я заселился в общагу для абитуры, мама положила мне 100 рублей в центральной сберкассе на книжку и сказала:

– Всё, сынок! Дальше ты уж сам! А у меня работа...

Со мной в общежитии на соседней койке жил Гриша Гуревич, мальчик закончил английскую спецшколу в Душанбе. Папа- главный инженер чего-то ирригационного, мама преподавала английский. Общаясь с ним, я понял, что ни хрена я не крут в аглицкой мови... Он улыбался, глядя умными еврейскими очами:

– Жень, да поступишь ты... Это меня выпрут по статье!

– Какой?

– Все национальности у нас равны и вообще все люди-братья!

О негласном антисемитизме на государственном уровне я тогда не знал почти ничего.

И вот он наступил, день Ч. Первый экзамен. Язык! Огромная толпа у входа. Я приехал к шапочному разбору. Как выяснилось, одна пара преподавов не явилась по болезни, так что для меня всё это грозило растянуться в пытку ожиданием до вечера, что и произошло.

Я бродил по Верхне-Волжской набережной, с грустью думая, что осенью в армию, если ничего у меня не получится. В полуобморочном состоянии в восемь вечера я зашел в аудиторию и взял билет. Отвечал какой-то огненно-рыжий

парень, громко, уверенно, экзаменаторы млели:

– Довольно, молодой человек! Учитесь в нашем ВУЗе! Потом последовали две двойки. Я последним взошел на Голгофу... Нет, я отдавал себе отчет, что всё не так плохо... где-то между «хор» и «уд». Женщины были заметно уставшими и дали мне «хор». Шансы оставались... Гуревичу поставили тройку, чему я несказанно удивился.

... Где-то в девятом классе я прочитал Шекспира и был потрясен напором страстей. Нет повести печальнее на свете... Тут же появилось желание перевести это обратно на английский. Родилось что-то вроде:

No story sadder in the world as yet
Than story of Romeo and Juliette

То есть, зачатки гениального переводчика в себе я чувствовал. С необычайной легкостью я стал переводить Битлз и прочая. Получалась, естественно, такая же несусветная юношеская галиматья...

На сочинение я шел уже без особой опаски.

Разливанное море абитуриентов сужалось к узенькому проходу в экзаменационную зону, где строгие контролеры требовали предъявить пропуск. Сочинение писали все сразу в восьми, кажется, аудиториях. Я сунул руку в карман и похолодел. Штирлиц был на грани провала. Я отчетливо вспомнил, как причесывался у зеркала перед выходом из общаги. Вместе с расческой я вытащил из кармана и пропуск.

И расческа, и пропуск мирно покоились на тумбочке у

зеркала сейчас. До начала сочинения оставалось минут 20. До общаги было минут 40 езды с пересадкой в одну сторону при самом хорошем раскладе... Идти искать начальство и умолять? Нет, не вариант, займет слишком много времени. Я пулей вылетел на улицу. Такси затормозило через минуту. Уже удача!

– Командир! В Щербинки и сразу обратно! Плачу пятерку!

По счетчику там набивало около четырех рублей, но я не жадничал: отдам пятерку- напишу на пятерку!

В аудиторию я вошел, когда уже вовсю скрипели мозги и строчили шариковые ручки соискателей. Комиссия смотрела на меня с легким изумлением. Я объяснил все честно... После короткого совещания председатель комиссии кивнула:

– Ладно, садитесь и пишите! Может, что-то и успеете.

Я уставился на доску. Предлагалось три темы на выбор. Бинго! Онегин и Печорин! Проблема «лишнего человека»! Сравнительный анализ! Это моё! Этих ребят я в школе примерял на себя, были у меня и княжны мери и татьяны...

Я решительно отодвинул в сторону стопку бумаги для черновиков и застрочил на проштампованных экзаменационных листах.

Результаты вывесили на следующий день после обеда. На весь поток была одна пятерка... и она была моя!

Грише поставили два. Он дернулся выяснять. За что?

«Не раскрыта тема». Классика жанра советских времен.

– Гриша! На хрена тебе был Достоевский? Его еще ни один критик не раскрыл!? Брал бы уж Маяковского...

– Жень, я люблю его.

Фёдор Михалыч похоронил очередного еврейского мальчика, сам того не желая.

Вечером мой сосед пришел с бутылкой марочного вина и попросил переночевать где-то в другой комнате. Мы жили на девчачьем этаже, все дружили... Две девушки по-соседски предоставили мне свободную койку.

Утром я мотался на консультацию по третьему экзамену (русский и литература устно). Когда вернулся, в моей осиротевшей комнате на столе были два стакана и пустая бутылка. На стене губной помадой размашисто красовалась надпись: «Кончен бал, и кончен вечер!» Группа «Машина времени» начинала набирать популярность. Я надеюсь, что у Гриши Гуревича жизнь всё-таки сложилась нормально.

... Где-то в мае того года, я, зная, что мой институт будет гуманитарным, и литературу все равно сдавать, придумал хитрый технический план. Магнитофон Астра-4 штекером подключался к телевизору Темп. А еще он имел низкую скорость-4. Пинк Флойд, конечно, слушать противно, а вот для литературных чтений- самое оно. Год был урожайным на всякие даты рождения и смерти Великих- ну, Чехов там, Толстой, Горький и пр. Так что неделя у меня начиналась с просмотра программы передач двух доступных в городе ка-

налов ЦТ. Полтора месяца я писал всё подряд: все цитаты, дискуссии, мнения... Набралось три больших бобины. А потом я это слушал, когда мыл посуду, гладил, мыл полы, засыпал... Молодой мозг впитывал информацию как губка!

Так что на третьем экзамене я шибко обезьянничал. Закачивая глазки, рассказывал экзаменаторам, что именно писал больной Чехов из Крыма Горькому по поводу премьеры пьесы «На дне». Да еще того-то числа... Дамы балдели. Пятёрка была обеспечена.

А к истории мы, оставшиеся, уже почти и не готовились. Конкурс упал почти до нуля. Историю я знал великолепно, особенно Вторую мировую и Октябрь 1917 года... Да и Пугачев с Наполеоном были в друзьях.

Вот и наступил день... Z, наверно.

Экзаменует молоденькая блондинка лет 25-ти и дедушка в поношенном пиджаке, с пустым правым рукавом. Дед непрерывно курит в форточку «Шипку» или «Приму», что-то вонючее.

Тащу билет:

Элементы рабства на Руси в 11-12 веке.

Речь Л. И. Брежнева в честь 55-летия образования СССР.

Приплыли, товарищ абитуриент! Нет, сейчас я бы им рассказал всё про элементы рабства у нас вплоть до 21 века включительно! А вот речь Брежнева...

Инстинктивно сработало, нечего ждать... давай сразу!

– Можно я без подготовки!

Дедок с любопытством оглянулся от форточки и хмыкнул:
– Давай его, Марина!

Я вякнул предложений 20 про элементы рабства и позорно замолк...

– Это... всё?

Я удрученно кивнул, пот потёк по спине.

– Ну, расскажите нам про речь Брежнева.

Я понес будничную ахинею тогдашних передовиц...

– Молодой человек! Конкретнее! Тезисы и положения речи товарища Брежнева!

Я умолк. Дед выкинул окурок, закрыл форточку и развернулся ко мне. На пиджаке внушительно красовалась орденская колодка, где я опознал только «красной звезды» и две медали «За отвагу».

– Молодой человек! Вы речь товарища Брежнева читали?!

Я понял, что моя карьера переводчика закончилась, не начавшись...

– Не читал!

У деда появились добрые морщинки в уголках глаз и губ:

– Вот и правильно! Нечего там читать!

Видимо, у него были какие-то свои вопросы к Генеральному Секретарю...

Марина робко на него взглянула:

– Двойка?

– Почему!?!?

– Три?

– Да ты чё? Такой умный парень! Брежнева не читает! Ну-ка, дай его зачетку! Ну смотри, практически все на отлично! Он отобрал у Марины ручку, поставил «отл» и расписался.

– Подписывай!

.....
Я не знаю, как Вас зовут. Мы скоро встретимся. Вы меня не узнаете... без зубов, волос, на коляске, без ноги. Но я всё помню! Я вас узнаю! С пустым правым рукавом потертого пиджака и вонючей сигаретой! Нам будет о чем поговорить!

.....
С глупой улыбкой я вышел из института. Стояло чудное восхитительное солнечное лето 1979 года. Не помню, как я дошел до набережной Волги, сел на лавочку, закурил... Сигарета так и истлела в руке. Не знаю, как... но я ведь это сделал! Впереди был инъяз со всеми радостями и бедами, дружбой и подставами, любовью до царапин и банальным трихомонозом, взлетами в учебе и кризисом около отчисления, пьянками на грани алкоголизма и выпускным банкетом... Но в тот день я был абсолютно счастлив, как никогда уже не буду счастлив ни в зрелые годы, ни, тем более, в старости.

И-И-Я!!!_

Эссе одноногого о парных органах

У человека масса парных органов. Глаза, уши, почки, руки... прочая дрянь. Всегда спрашивал себя: «Почему сердце одно?» Так было бы удобно. Ну прострелили одно на дуэли, ну переключил, как в ГАЗ-469, бак на другой бак (сам видел в суровые морозы в «Пермтрансгазе» в 80-е), ну и рули себе дальше...

У меня осталась правая нога. Левая обрезана по самое не могу. Зато сердце слева. Так что нормально. Опять парные органы: нога-сердце. Спасибо природе за этот шанс. Следующий отказ будет последним. Интересно, что раньше откажет? Нога или сердце? Результат будет одинаково фатальный.

Так думал я 5 лет назад, когда начинал это эссе. С тех пор много чего приключилось. Сначала сердце. Оно обещало остановиться и пришлось срочно присобачить к нему стимулятор, так называемый ЭКС, чтобы оно как-то стучало дальше. С этим ЭКС мне накапало уже 17 месяцев.

Дополнительно к основной жизни!

А намедни нога. Ну не хотел я сдирать этот ноготь на большом пальце, честное слово. Ручки шаловливые, оторвать бы их. Ноготь мёртвый был, а из-под него закапала кровь. Ну быстренько кусок ватки окунул в водку, обработал как сумел. Залил перекисью. Нога последняя. Ногю жалко, другой

уже не выдадут.

Приехал сын. Разорался:

—Надо «скорую» вызывать!

— Не надо «скорую». У нее реально больных хватает и без меня...

Обработали еще раз перекисью водорода. Перевязали вдвоем. Нога последняя. Жалко.

Вот так я и живу. Весь организм уже из говна и палок. Замотан- перемотан и скотчем склеен. Но как-то работает. Еще один день, еще неделя, месяц... год! Черт возьми, 5 лет!!

Сколько еще? А вот это вопрос не ко мне. Спрашивайте у руководящих товарищей...

Спасибо хирургам. Слава медсестрам. Низкий поклон санитарам и санитаркам!

Ну и виват великому мне, разумеется...

«Нормальные люди во власть не рвутся. Следовательно, во власти все ненормальные». Альберт Эйнштейн

В 1992 году я поменял работу. Ушел из крупного объединения в маленькую нефтяную лавку, СП с участием американцев. Мне казалось, так спокойней.

Страна шла к чертовой матери, «Газпром» становился совсем не тем «Газпромом», который я знал предыдущие восемь лет, «Лукойл» еще толком не родился, но я уже тогда нутром чувствовал, что внутри всех этих больших контор будут кланы, группы, группки, которые будут рвать друг у друга из горла... Мне это всё было противно. Я думал, в ма-

леньких лавках иначе. Я ошибался...

Особого кайфа от того, что у меня в подчинении какие-то люди (начальник отдела переводов), я не чувствовал. Ну нет у меня призвания решать чьи-то судьбы. Казнить, милловать... Напился кто-то, не пришел на работу... Увольнять? Строгий выговор? Общественное порицание? Не умею я. Слава богу, не долго я был начальником.

За мной закрепили УАЗ-469, американцев возить по нашим ухабам. Водителем был молодой парнишка лет на 10 моложе меня, Слава Гольдштейн, сухощавый, стройный, шустрый. Исполнительный. Машину содержал в порядке.

Месяца через три поехали мы с ним в районную больницу к Генеральному, тот лежал в предынфарктном состоянии. Дела в компании шли из рук вон, зарплат не платили... Впрочем, он лежал по другому поводу. Им интересовалась ФСБ. К нему наведывались бородатые южные люди. Сам он когда-то заканчивал нефтяной ВУЗ в Грозном...

На обратном пути Слава попросил:

– Заедем ко мне на пол часика? Ну срочно надо!

Я махнул рукой...

Огромная убитая квартира на окраине. Две комнаты из четырех забиты под потолок картонными ящиками. На кухне жена Галина ведет какую-то сложную бухгалтерию, обложившись тетрадками...

Слава, заглянув через плечо, распоряжается:

– Ресторану «Север» больше 200 банок в кредит не отпус-

кай! Они с прошлого раза не доплатили! Дай пластиковый пакет! Пошли со мной, – это мне...

Слава вспарывает одну из картонок, ссыпает, не считая, банок 10 красной икры и протягивает мне.

– Да ты что? Сколько я должен?

– Нисколько...

– Откуда такое богатство?

– Ну, я вообще-то с Сахалина... ВТА еще нормально летает... кручусь! Работаю и с браконьерами, и с вояками. Сейчас все бедные, все договариваются.

Еще через месяц он отпросился у меня съездить на железнодорожную станцию.

– Там пара «мерсов» и БМВ должны подойти...

– Какие «мерсы»?

– Да у меня двоюродный в ГСВГ завскладом, старший прапорщик... Так, поменял кое-что...

Уволились мы из этой керосиновой лавки почти одновременно.

Слава поставлял и продавал белорусскую мебель по вполне приемлемым ценам. У одного старого профессора геологии приобрел необработанные камни, которые тот много лет собирал на Урале, переправил их в Израиль. Сфера применения своих талантов у него была безгранична...

Потом в городе появились фуры с гордой надписью по бортам «Торговый Дом Гольдштейн».

Как-то мы столкнулись в ВИП зале Шереметьево. Слава

потягивал мартини. Разговорились.

– Я же теперь депутат Думы от республики... Фирму на Галку переписал.

Потом я как-то совсем потерял его из вида.

... Я лежал во второй хирургии после повторной ампутации. Новый сосед привез маленький телевизор и включил его ровно на фразе из новостей: «Президент Путин назначил и.о. Губернатора Еврейской автономной области Ростислава Гольдштейна». Я удивился. Бывают же совпадения, полный тезка! Я повернулся к экрану и увидел сильно располневшую Слаvinу физиономию в кремлевском кабинете.

Через год на выборах Слава получил больше 80% при максимальной явке избирателей. Практически Ким Чен Ын.

Завидно? Да нет! У каждого свой путь. Просто забавно, как работают у нас в державе социальные лифты. Два бывших губернатора нашего края сидят по статьям. Сам я тихо загибаюсь в инвалидном кресле. Славка сделал головокружительную карьеру, нигде не споткнувшись. Настоящий губерн!

Скорость движения лошадей

В этом вопросе не так просто разобраться.

Все эти аллюры, галопы, прочая дребедень... Я никогда не понимал, что значит «пустить лошадь рысью»? Рысь вообще-то из кошачих, вроде. Хорошо перемещается по деревьям, зараза! Или я путаю?

«Мушкетеры перешли на бешеный галоп».

Это вот как? Институт GALLOPa знаю. Солидная организация. Их исследованиям вполне можно доверять. А вот галопирующая инфляция, с которой лично близко познакомился в девяностых, мне была не особо приятна и понятна. Гадость, откровенно говоря... Многие люди просто передохли.

Сейчас вот многие рекомендуют мне переходить на МАХ. Мол это очень круто и надежно. Может быть. Но я вообще-то на костылях, если вдруг не на коляске. Не перейду я на мах, возраст не тот. Не рысак я уже, обычная тягловая лошадь. Махом могу только помереть. Причем одним МАХом.

Я тут статистику глянул. Лошадь-рекордсменка прыгнула на 2м 47см в 1949 году. Это вверх. А в длину на восемь с чем-то. Известны и имена наездников, и имена лошадей.

Вполне сопоставимо с человеческими результатами. Значит, в чём-то мы похожи.

Но я не рекордсмен. В холке у меня довольно средние по-

казатели. К тому же некоторый лишний вес. Даже с костылями я слабо устойчив. Если в левой руке трость, а правая на костыле- получается лучше. Более элегантно, как говорится. Так что оставьте меня в покое, если можно. Спасибо.

15.08.2025

Колобок (краткая биография)

Ну, классическую версию все читали. В ней почти всё неправда. Я расскажу, как это было на самом деле.

Бабушки и дедушки были, конечно. Но у Колобкова имелись нормальные родители. Это они поскребли и помели по сусекам. Так и появился на свет Колобков, поздний ребенок. Хотя мог и не появиться...

Маму пригласили в кадры и предложили длинную командировку в Китай, когда она была на третьем месяце. С Китаем мы тогда дружили взасос и навзрыд. Китаю позарез нужны были геологи и геофизики. Такая командировка сулила семье дальнейшее материальное благополучие. Аборт? Ну а чего тогда, зря по сусекам скребли? Вопрос почти и не обсуждался, нечего обсуждать. Гудбай Китай!

Ну и покатился он по жизни, молодой и горячий, только из печи, думая, что путь у него прямой, а если он куда и сворачивает, так на то его собственная воля. Наивный! Не читал он «Законы движения круглых тел». И ведь любой игрок в бильярд может объяснить, что такое «левый винт» или «нижний винт» и как они могут менять траекторию бита. Да и астрономии хотя бы основы знать не лишне было бы.

Впервые Колобков ощутил лимиты окружающего пространства, когда остался без работы со свеженьким дипломом в кармане. Куда бы он ни двигался, тут же налетал на

жесткие борта игрового стола и с криком боли отлетал обратно. Будущего не было. Появлялись мысли о суициде. Но тут Колобков получил сильнейший удар в бок и вылетел за борт. Приземлился он на абсолютно незнакомой поляне, которая казалась бескрайней. Над ней в небе то ли северным сиянием тундры, то ли неоном углеводородов горела надпись: «ГАЗПРОМ», освещенная по бокам факелами Уренгоя. Тогда и появился этот глупый пошленький навязчивый мотивчик «Я от бабушки ушёл...», который будет сопровождать его всю жизнь.

За 4 года Колобков сильно возмужал, освоил тонкости профессии, понял, как устроена поляна. Она была отнюдь не безграничной. Это был как бы огромный бильярдный зал со множеством столов. Шел крупный турнир, где разыгрывалось одновременно несколько партий. Свой стол Колобкову уже поднадоел, хотелось перемен. Он начал ждать какого-нибудь киксового удара, который метнёт его на другой стол. И однажды это случилось! Он привычно зажмурился, а когда открыл глаза, оказался в пустыне. Она была пугающе огромной, нестерпимо жаркой. Надо было как-то привыкать и выживать. Колобков успокоился только когда увидел в полуденном мареве мираж у горизонта, который подрагивал знакомой надписью: «ГАЗПРОМ». Все в порядке, он был дома.

Все-таки удивительное место этот шар под названием планета Земля. Здесь везде красиво, надо только присмотреть-

ся. Тундра, пустыня... Минус 50, плюс 50... Выживаем! И как прекрасна пустыня в сезон дождей с ее дикими арбузиками, размером с кулак, буйством цветов и красок. А перекрученные узловатые карликовые березки в тундре, похожие на неудавшуюся человеческую жизнь? Нужно просто пожить там, чтобы оценить всю прелесть...

Я увлекся. Я ведь пишу краткую биографию, а получается уже длинновато. Сейчас свернусь.

Колобков все-таки ушел от Газпрома, напевая свою идиотскую песенку. В его жизни была еще длинная глава под названием «НЕФТЬ». Но это уже не так интересно.

Лиса, как известно, хищник... На хрена ей хлебо-булочные изделия? Так что классический финал откровенно лжив. Не ела она Колобкова. Он и поныне еще живой, хоть и пожеван изрядно. А девушка по фамилии Рыженкова просто устраивала свою задницу в теплое место в тяжелые 90-е. Ну что ж, вопрос совести. А правда лишь в том, что познакомились они в новой булочной «Колобок», Алиса Патрикеевна напросилась в гости сама. Но вот петь Колобкову в его лубяной избушке она не давала. Говорила, что у него ни голоса, ни слуха (что правда). Она пела сама то сопрано Монсерат Кабалье, то хриплым голосом Сьюзи Кватро...

Проходя мимо булочной вечером через день, Колобков заметил, что первые две буквы названия не горят. Тогда это показалось просто забавным, мистиком он не был, не воспринял это как знак...

Что потом?

Да, вы правильно догадались. Вон тот крупный мякиш в углу на полу это Колобков. Черствеет и крошится потихоньку. Никуда он уже не покатится. Перестал быть круглым. Биография опять вышла на прямую. Теперь уже финишную.

Кто им играл? Великий Евгений Сталев? Сам маэстро Ронни О'Салливан? Был ли это русский бильярд? Снукер? Карамболь? Наша жизнь, что за игра такая? Можно ли в ней выиграть?

Как я перестал быть комсомольцем

Среди прочих формальностей, которые мне надо было успеть до отлета в Ливию, предстояло явиться в ЦК ВЛКСМ с документами. Вся процедура не заняла много времени. У меня отобрали членский билет, дали какой-то открепительный талон и сказали, что его я должен сдать по прилету в Посольство в Триполи, в соответствующий отдел. Ну и ладно.

По прилету никто ничего у меня не спрашивал на сей счет, первый день был весьма суматошным, а вечером я уже отбыл на машине коммерческого директора к месту работы на компрессорной станции Марса эль-Брега, весьма глухое место примерно на полпути из Триполи в Бенгази.

Мы называли его «жопа мира», прочие иностранцы использовали английское “Middle of Nowhere”. Потянулись будни. Дни и недели были похожи одна на другую. Десятичасовой рабочий день с сиестой в самую жару. Вечером кино в открытом кинотеатре, или бильярд, или теннис. Русская колония за забором. Двести с чем-то человек, практически запертых на ограниченном пространстве в пустынной местности. Пятница была выходным днем, как и положено в исламском мире. Выезжали на недалекую Средиземку, купались, загорали, охотились с подводным ружьем на вкусней-

ших окуней. В субботу начинался понедельник...

Ностальгия началась где-то через два месяца на третий. Начал спрашивать себя «А зачем я здесь?» Нет, ответ был вполне себе очевиден. Где еще в 1987 году советский человек мог легально зарабатывать доллары? Зарплата была очень даже для нас и мизерная в глазах работавших неподалеку итальянцев, немцев и прочих англичан.

«Мучает ностальгия? Почитай книжку на ночь!», – так советовали ветераны, которые уже отработали здесь по два года и больше.

Имелась ввиду зарплатная книжка, в которую бухгалтер заносила сумму, которую ты заработал за месяц, и которая перечислялась на твой счет во Внешэкономбанке.

Где-то в ноябре приехали в командировку ребята из Ми-сураты (там был большой наш лагерь и заканчивался наш газопровод). Среди прочих прибыл и коллега, переводчик Кирилл, которого я знал. Вечером он пришел в гости...

– Что же вы, батенька Евгений, скрываетесь?

– ???

– Открепительный в Триполи не сдал, взносы не платишь...

– Кир, да объясни нормально, в чем дело?

Он помрачнел.

– А дело в том, что с твоим прибытием нас стало трое комсомольцев на проекте... то есть, согласно Уставу, мы составляем отдельную комсомольскую организацию,

должны регулярно проводить собрания, предоставлять отчетность в Посольство, ну и взносы никто не отменял! Меня уже вздрючили и сказали, что я у вас буду комсоргом, бя!

— Поздравляю с должностью...

— Ты не иронизируй, а гони-ка бабки за три месяца, неплательщик!

Кира огласил сумму в динарах, которую я должен сдать на процветание родного комсомола немедленно. Мне поплохело. В текущем бюджете засияла брешь...

— И не забывай с оказией передавать мне в Мисурату впредь! Каждый месяц!

Мир изменился. Как в детстве мне захотелось сразу стать старше. До 28 лет мне оставалось еще долгих 13 месяцев. Немного утешало, что членам КПСС приходилось еще хуже. Каждый месяц они с зубовным скрежетом несли парторгу дань, куда как БОльшую в процентном отношении.

Коммунисты в Ливии стремительно становились антикоммунистами. Беспартийных на проекте было не много, они от души посмеивались над бывшими стойкими ленинцами.

Все заканчивается. Я прожил свой очередной год в этом мире и выгрыз у Генерального командировку в Триполи, одной из задач было освободиться от комсомольского оброка. Девушка в Посольстве, ведавшая комсомольскими делами на просторах Джамахирии, внимательно меня выслушала, погремела ключами от сейфа и плюхнула передо мной

бумагу с грифом «для служебного пользования».

– Читайте!

Постановлением ЦК ВЛКСМ от ... за номером... комсомольцам, пребывающим в длительных служебных командировках за рубежом по достижении 28 лет надлежало оставаться в рядах ВЛКСМ впредь до возвращения в СССР. Фак! Вот это был облом! И еще четыре месяца я покорно отдавал потом заработанное этим кровопивцам, пока не наступил долгожданный Отпуск!!!

В Шереметьево-2 меня встречал на машине Владимир, начальник линейной части и лучший друг, которого выперли с проекта за полгода до этого. С ним были две девушки небесной (мне так показалось) красоты...

Тот вечер плавно перетек в ночь, которая закончилась где-то к полудню следующего дня. Зверски хотелось есть и опохмелиться, но я пересилил себя:

– Вовка! Надо заехать на Старую площадь, сдать эти бл... дские комсомольские бумаги, получить справку для Посольства, потом поедем обедать...

В архиве ЦК ВЛКСМ сидели две девчушки лет по 20... в цокольном этаже было жарко и пыльно...

– Вот ваша справка. С вас 240 рублей.

– За что, девочки!?

– Членские взносы за время пребывания в Ливии.

– Но я ведь заплатил взносы там! В валюте!!!

– Ну да, но это за валютную часть вашей зарплаты. А вам

ведь еще начислялась рублевая часть, вот за нее и набежало...

Я честно раскрыл перед ними бумажник. Там была пухлая пачка долларов США и рублей 70 наших денег.

– Девочки! Нет у меня столько рублей! Разменяю- привезу!

Я вышел на улицу к машине с расстроенным лицом. Вовка вопросительно посмотрел на меня. Я объяснил.

– Да пошли они! Поехали в «Узбекистон»! Нас ждут, я договорился.

– Да, но... они же сообщат... будет скандал!

– Женя, ты не представляешь какой бардак сейчас творится в партийных и государственных структурах! О тебе никто и не вспомнит!

Я задумался. В Москве был солнечный чудный майский день. Хотелось есть. Хотелось выпить. С заднего сиденья «жигулей» на меня призывно поглядывали две блондинки в легких платьицах...

Где-то в архиве (если сохранился) до сих пор лежит мой комсомольский билет и личная учетная карточка с надписью: «Последний членский взнос не уплачен».

Томленная курица и императив Канта

Было второе января, самое гнусное время в любой студенческой общаге. Эйфория праздника уже выветрилась, дух вселенского похмелья нависал в каждой комнате, все ново-

годние припасы были подъедены и допиты. Это вам не дома у мамы, где мороженных пельменей хватит до Рождества, а тебя умоляют доесть уже салат оливье, пока не испортился.

Их было человек восемь в комнате на последнем этаже, где у девочек был приличный стереопроектор, так что и Абба и Высоцкий вполне помогали улучшать настроение. Время между тем катилось к обеду, анекдоты были рассказаны, мысль о необходимости выпить и закусить сквозила во взглядах...

На счастье, появился Рашид, весело позвякивая модным пластиковым пакетом. О Рашиде надо сказать отдельно. Он был из Узбекистана, и не из какого-то там Ташкента, а из захолустного поселка, где жили вперемешку узбеки, русские, турки-месхетинцы, евреи, татары... Нормальный такой Вавилон советской поры, где если и били, то по конкретной морде, а отнюдь не по национальности. Нет, совсем не все было плохо в этой гигантской плавильной общаге, называвшейся СССР. Это потом узбеки начали резать и жечь турок и наоборот, многие побежали в Россию...

Так вот, деньгами родители Рашиду помогать особо не могли, ему приходилось крутиться. В тот момент он занимал ответственнейшую должность ночного сторожа в ресторане «Москва» и ночь с первого на второе января пришлась на его дежурство. Он добросовестно трудился до рассвета, сливая в две литровые бутылки из-под Чинзано всё, что оставалось недопитым в рюмках и на дне бутылок. К приходу по-

судомойщиц его миссия была завершена. Это была адская смесь из водки, выдохшегося шампанского, коньяка, сухого вина, ликеров и пр. После дегустации (одна столовая ложка на брата), продукт комиссионно был признан годным к употреблению. Рашиду вынесли благодарность. Однако проект был явно недофинансирован. Методом, который сейчас называют «крауд фандинг», образовалась сумма, достаточная для закупки двух бутылок водки. В графе «закусь» в бюджете кто-то не дрожащей рукой поставил «ноль». Закусь должны были добыть на безбрежных просторах общежития те, кому не предстояло идти за водкой и сигаретами.

Женя спустился на родной четвертый этаж. Там было тихо. Из комнат не доносилась даже музыка. Никто не гулял. За последние 20 минут он обошел уже почти всех знакомых, получая стандартный ответ: «Бог подаст, самим жрать нечего!». И тут из общей кухни повеяло... Запах был неописуемый! Он заглянул туда. Горел свет. На плите на малом огне чуть побулькивала большая пятилитровая кастрюля. В ней томилась курица в овощах, от бульона пахло специями и травками... Людей не было. Евгений выглянул в коридор. Никого. Только с балкона раздавались голоса. Туда он и направился.

– Если человек устанавливает для себя принцип, зависящий от какого-либо объекта желания, то такой принцип не может стать моральным законом, поскольку достижение такого объекта всегда зависит от эмпирических условий. По-

нятие счастья, личного или общего, всегда зависит от условий опыта. Только безусловный принцип, то есть не зависящий от всякого объекта желания, может иметь силу подлинного морального закона...

— Да пойми ты, что классическая трактовка императива Канта совсем не подразумевает...

Это были его друзья Саша Баикин и Женя Куприн.

— Ребят, я тут спросить хотел...

— Иванов, отстань! У нас очень серьезный разговор! Не отвлекай.

Он пожал плечами. Заподозрить сих учёных мужей в банальном приготовлении курицы было глупо. Женя прихватил ручки кастрюли кусками газеты, чтоб не обжечься. Он спокойно прошел мимо балкона. Иванов вспорхнул на верхний этаж, не встретив по дороге ни души.

Появление кастрюли было встречено громогласным ура. Оно почти совпало с появлением гонцов за спиртным. Женя объяснил происхождение курицы и необходимость скорейшего уничтожения улики. К делу приступили незамедлительно. Кастрюлю очистили от содержимого за полчаса. Девочки ее тщательно вымыли и убрали подальше с глаз.

Еще минут через десять в комнату ворвались разъяренные философы:

— Твою мать! Ведь специально на этаж выше поднялись, чтоб лишние халявщики на хвост не падали! На минуту отошли покурить!

– И что, никого не заметили? – сочувствовали присутствующие.

– Да вон Иванов только проходил, а так никого! Водка холодная, хлеб порезали, закусывать нечем!

Слава Персидский, ковыряя в зубах спичкой, предложил свою помощь в расследовании, ссылаясь на свой опыт в такого рода делах...

– Да нет, спасибо! Мы уже все этажи прошерстили... Сейчас еще вот к соседям вашим зайдём... Но похоже, глухарь!

Глубокой ночью Женя отнес чистую кастрюлю на кухню. На дне покоился тетрадный листок, где печатными буквами левой рукой было написано: «Очень вкусно! Спасибо!».

.....
Где-то году в 1995 в одной московской квартире собрались институтские друзья, так уж совпало. Женя Куприн к тому времени работал в профсоюзных структурах ЕС в славном городе Брюсселе. Женя Иванов с нефтяными компаниями двигался всё ближе к Ледовитому океану, с грустью думая, что на пенсию он уйдет с Северного полюса. После ужина начались разговоры у камелька. Вспомнилась и новогодняя курица...

После некоторых колебаний Иванов сознался...

– Сволочь ты, тёзка... жаль, поздно тебе морду бить за давностью лет!

Нет, не всё было так плохо в той большой плавильной общаге под названием СССР.

Вот мне непонятно, к чему все эти поздравления, чего праздновать? Отмечать надо! Пишите правильно: «Уважаемый... Примите наши соболезнования в связи с 6...ой годовщиной». Вот так правильно!

Пришел друг с бутылкой. Выпили горькую, посидели, помолчали (есть о чем) и разошлись.

Вот если помер, вот тут нормальная веселуха начинается! Прутся с цветами-букетами и прочими вениками. При жизни мне цветов вроде не дарили- ориентация правильная. Еще и бывшая прискачет (не дай бог!), вся из себя в черном и со скорбной рожей. Социальный договор исполняет, коза! В смысле: «А чё люди подумают, если не приду?». Музыку еще не ту закажут. Моцарт, сука, понаписал...

Не, ребята! Я бы лучше под Шевчука, БГ, Высоцкого, битлов.

Ладно, отвлекся. Определился тут как-то сам, когда. Друзья-родственники пошушукались в углу и обманом сдали хирургам на лечение. Герои! Человека спасли!

Хирурги- люди вдумчивые. Лечить так лечить! Начали с левой ноги. Ну, чтоб я вставал всегда с правильной и не бурчал. По щиколотку, по колено, выше колена, по... девушкам это по пояс будет. Финский сервилат, блин! Хирурги из провинции- народ жадный... Если найдут что отнять, отнимут

непрерывно. Гопники!

Попробовал поумирать. Появилась медсестра. Влюбилась, вроде бы... Ну, куда денешься? Сам влюбился. А она побыла-побыла и исчезла. Без объяснений. Разозлился. Появились бабы в сопровождении пьянок. Все вроде довольны, кроме меня. Прекратил эти безобразия. Вернулась медсестра. Пропала потенция. Крепко по-дружески пожал ей руку, поцеловал в щечку.

Ушла медсестра. Вернулась потенция.

Морочное это дело, 60+.

P.S. Поздравления валом с утра... От Теле2, Ростелеком, Сбербанк. До слез... Чувствуется, лично Греф ночью мучился... Кредит мне всего под 19%! Какие чуткие люди! Плачу...

Сон почтальона

(правдивый рассказ)

Я на почте работаю. Колясочников не очень охотно берут, но за меня попросили. Работа интересная- каждый день новые люди, впечатления. Зарплата всегда строго по числам, день в день. Небольшая, но мне хватает.

Рядовой был день. Заехал на почту к шести, забил сумку, поехал по городу. Новости самые разные.

У одного внук родился, у кого-то мать заболела и надо ехать, у третьего радость- сын со второй попытки в какую-то номинацию пролез!

Некоторые выпить предлагают на радостях, но я всегда отказываюсь. День-то длинный, писем еще много. Улыбаюсь и еду дальше. Некоторые всегда угрюмые. Молча берут почту и закрывают дверь. Ни «спасибо», ни «до свидания» от них не бывает.

Разные все мы, человеки.

После обеда дело было. Квартирка такая солидная, двойная дверь, мягкий коврик в прихожей, в подъезде чистота и цветы на подоконниках. Открывает мне женщина лет под сорок, ухоженная такая, в цветном халате до пола. Письмо аж вырвала из рук, сразу разорвала конверт пальцами, даже за ножницами не сходила, начала читать.

Смотрю, у нее румянец какой-то странный появился, просто пятнами щеки пошли. И желваки заиграли. Пробежала второй раз письмо глазами и на меня посмотрела задумчиво.

– Хотите чаю? Намаялись ведь с утра, всё на колёсах да на колёсах. У меня печеньки вкусные, сама готовила.

Я засомневался:

– Мне еще в два адреса надо...

– Успеете, – резюмировала она и подтолкнула мою колесницу куда-то вглубь квартиры.

... Потом мы пили чай с домашним овсяным печеньем по ее особому рецепту.

– Может, останешься?– она погладила меня по щеке.

– Не могу, Марина. У меня еще два адресата, да и жена будет волноваться, куда это я у нее запропал.

– Подумай! Я буду ждать.

Но я уже катил на своем драндулете в сторону автобусной остановки. Два последних адреса были недалеко друг от друга, но на другом конце квартала. Оттуда до дома сорок минут, да еще возможные пробки. Дома опять будет скандал.

Автобус подошел быстро. Я зашел со средней подножки и заплатил за проезд. На следующей остановке через переднюю дверь зашел молодой инвалид, парень на костылях лет двадцати пяти. И тут я понял, что забыл на остановке ТС, своё любимое транспортное средство! Вот что значит пить чай с незнакомыми дамами!

Проснулся я без обычного чувства паники и безнадёги.

Сделал «велосипед» правой ногой, потом подключил культу. Всё работало нормально. Тогда я открыл глаза. Моя любимая старенькая коляска улыбалась мне во весь рот. От окна махали в приветствии костыли, старые, в деревянном еще исполнении. Я был дома, среди своих. В окно заглядывал рассвет.

Значит, я живой и всё в мире поправимо. Надо было перевалиться к компьютеру и приступить к работе...

10.08.2025

Теремок

Теремок – штука хорошая! Когда только начинаешь жить самостоятельно, покинув родительский теремок, он не кажется чем-то таким уж безусловно необходимым. Есть же общаги, гостиницы, казенное жилье, съемные квартиры... Короче, в начале жизни я сильно об этом не задумывался. Образуется как-нибудь.

Да и вообще, в моей жизни персонажи появлялись отнюдь не в сказочной последовательности. Ну, на то и сказки, чтобы не сбываться.

Первой, задолго до Теремка, появилась Мышка-Наружка. Поначалу ее присутствие особо не ощущалось. Как все мышки она скреблась где-то по углам, ну попискивала иногда. По-настоящему она начала проявляться всё возрастающим количеством сопровождающих мою жизнь бумаг: свидетельство о рождении, школьный дневник, приписное свидетельство военкомата, паспорт наконец. Свою суровую саблезубость Наружка показала, когда я был абитуриентом престижного института. После вступительных экзаменов, но еще до зачисления нас всех приглашали по одному зайти на военную кафедру: «Так... чистая формальность!».

Невысокий человечек в сером костюмчике с ранней залысиной монотонно объяснил, что при поступлении мы становимся бойцами идеологического фронта, на нас ложится

определенная ответственность, а потому следует подписать бумагу, что при любом контакте с гражданами иностранных государств нам надлежит сообщать..., а также..., ну и так далее.

Шли годы, Наружка мужала и крепла. Не то чтобы она доставляла мне беды и неприятности, но её постоянное незримое присутствие было некомфортным, раздражающим. Но вдруг она лопнула и исчезла, как это бывает с мультяшными персонажами. Кажется, это было в начале 90-х... Я думал, что это уже навсегда. Не-а!

Со временем появилась Наружка-2, Наружка-3, как бесконечная цепь тупых сериалов на нашем телевидении. Пришло понимание, что надо просто её игнорировать, как надо просто игнорировать социальные сети. Наружка отстаёт от человека только когда получает свидетельство о смерти и квитанцию на гроб. И то ещё какое-то время ваше досье пылится в одной из темных норок. Потом оно истлевает...

Но вернемся к Теремку. Желание обрести такое сооружение в собственность появилось где-то годам к 30.

ВУС 2203

Перебирал на днях документы. Наткнулся на военный билет. Молоденькая мордашка. Блондин. Лейтенант запаса. Военская учетная специальность- военный переводчик. Так и не сняли меня с воинского учета. Хотя в армии Шойгу вряд ли пригодится одноногий 60-летний лейтенант... Ну не усилю я...

Одним из преимуществ обучения в Горьковском ин'язе было наличие военной кафедры. Со второго по четвертый курс в тебя впихивали всяческие военные премудрости, потом государственный экзамен и Приказ Министра Обороны СССР о присвоении...

В моё время уже возник некий казус. Студенты настолько распустились, что умудрялись вылетать из института аж с пятого курса за неуспеваемость, дебоши, разврат и прочие прелести сладкой жизни.

И в армию его, гада, забрать нельзя и отправить на какой-нибудь БАМ! Он уже лейтенант-переводчик, но дебошир без диплома...

Ситуацию скоренько подправили. Приказ стали издавать после пятого курса аккуратно с вручением диплома. А до этого ни-ни. Вылетел- отдавай два года родине, тyani солдатскую лямку. Я сам чуть не попал под это дело...

На военную кафедру я шел с неким трепетом. Нет, про

бардак в наших Вооруженных Силах, про дедовщину я знал и от старшего брата, и от других. Но я думал, что это всё относится к низовым, так сказать, структурам. А у нас на кафедре щеголяли сплошь майоры и подполковники, да и целые полковники тоже попадались. Наличие больших звезд предполагало некий уровень интеллекта, как я думал. Первую благую весть принесли девчонки с английского факультета, с которыми мы дружили. Пламенную вступительную речь перед ними держал майор Бокало:

– Уважаемые девушки-англичанки! С сегодняшнего дня мы начинаем делать из вас настоящих женщин- военных переводчиц! Сейчас этим буду заниматься я, потом ко мне присоединятся остальные офицеры военной кафедры!

И пошло-поехало! Мы не успевали записывать. Поверьте, более поздние шедевры Черномырдина – слабое подобие в сравнении.

Кстати, мне дважды довелось переводить Виктора Степановича (светлая ему память!). Его косноязычие исчезало, когда он начинал говорить по делу и без телекамер.

На кафедре же веселуха была каждый день:

– Студент Ганеев! Здесь вам контрольная или как? Немедленно выньте то, что у вас между ног и положьте на парту! Пусть все полюбуются, откуда вы там списываете!

Две цифры – месяц – четыре цифры – год (part 1)

«Час зачатия я помню неточно...»

В. Высоцкий

Один мой добрый приятель утверждает, что хорошо помнит час своего рождения. То есть вот буквально сам процесс. Как его по попе шлепнули, как заорал...

Владимир Семенович помнил еще на девять месяцев тому назад, может и не шутил, гений все-таки.

Не знаю. Лично я помню себя с трёх лет.

Конец августа. Родители собираются в лес за грибами. Меня отводят к бабушке. Рев заказывали? Получите. Я тоже хочу в лес за грибами! Бабушка утешает:

– Внучек, мы сейчас чаю попьем, и тоже пойдем в парк за грибами.

Я не очень ей верю. Как это... В парк за грибами? А дело в том, что в нашем городе есть замечательный Детский Парк (вернее, в те годы был замечательный). Именно так, с большой буквы. В 70-х он был даже признан лучшим в СССР. Часть прекрасного соснового бора при строительстве города не вырубili, обнесли забором, поставили детские аттракционы, построили дом пионеров. Парк показался мне огром-

ным. Да, тогда деревья еще были большими. И если отойти от центральной аллеи подальше вглубь, вполне можно было тогда, в начале 60-х, нарвать сыроежек и маслят. Так что вечером я с гордостью предъявил родителям свой урожай. Судя по моему сыну, этот азарт к тихой охоте передается в семье по наследству...

Мне уже четыре. Первый день в детском садике. Такой длинный день, без родителей, без бабушки. Страшно. Младшая группа на прогулке. Ужасно хочется какать. Идти к этим взрослым тетям-воспитателям, объяснять... Страшно. Ухожу за веранды. Снимать шорты и трусы... А вдруг девчонки? Страшно!

Приходится прямо так. Слегка оттопыриваю трусы и вываливаю это дело на газон. Какашка, слава богу, твердая.

Я уже взрослый. Пять лет. Проблемы дефекации в далеком прошлом. Мы играем в пиратов. У нас на площадке в садике огромный корабль высотой метра полтора. Я стою на крыше корабля, капитанствую. Один из штурмующих толкает меня в спину с разбега. Здравствуй, Земля! Хруст, рев... А что делать? Морской бой! Война- штука жесткая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.